

ПАМЯТИ УЧЕНЫХ

Николай Александрович Бутинов

© 2002 г., ЭО, № 2

А.М. Решетов

ПАМЯТИ НИКОЛАЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА БУТИНОВА

В Ленинградской части Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР – Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН работал и продолжает трудиться коллектив этнографов, фольклористов, антропологов, археологов, историков науки, чья деятельность хорошо известна как в нашей стране, так и далеко за ее пределами. Имена Д.К. Зеленина, Е.Г. Кагарова, Н.В. Кюнера, Д.А. Ольдерогге, Н.А. Кислякова, С.М. Абрамзона, С.В. Иванова, Л.П. Потапова, А.А. Попова, Г.М. Василевич, Л.И. Лаврова, Б.Н. Путилова, Т.В. Станюкович, В.В. Гинзбурга, С.Н. Замятнина и др. – гордость и украшение отечественной этнографической науки. В этом славном ряду по праву достойное место занимает имя Николая Александровича Бутинова, чья научная и музейная деятельность на протяжении более полувека была связана с этим учреждением, колыбелью отечественной науки.

Совсем недавно он был среди нас, выступал на заседании диссертационного совета в прениях, обсуждал темы своих докладов на очередных Маклаевских чтениях, проект планкарты на 2001 год. И хотя с 31 октября 1983 г. Н.А. Бутинов перешел на положение консультанта, он работал, не сбавляя темпа, из-под его пера выходили книги, статьи, рецензии. Мы всегда говорили с ним о работе, а не о болезнях, хотя все знали о его недугах. И вдруг, как гром среди ясного неба, печальное известие о его кончине 7 декабря 2000 г. Нам ведь казалось, что он будет жить еще долго.

Николай Александрович Бутинов родился 19 декабря 1914 г. в Петрограде, в семье ~~специалиста~~ по меховым изделиям. Родители старались создать благоприятные условия для роста своих детей, а у них было четверо мальчиков и одна, младшая, девочка. Николай был старшим.

В 1921 г. он поступил в школу. В 1930 г. школа была перепрофилирована в электромеханический техникум, и выпускник девятого класса Николай Бутинов стал его студентом. Вскоре он одновременно начал работать электромонтером сначала на 2-й, а потом на 5-й ГЭС, в артели «Объединенный металлист». И при этом живо увлекался русской литературой, особенно поэзией.

Н.А. Бутинов решает поступить на филологический факультет Ленинградского государственного университета, но у него нет аттестата зрелости об окончании средней школы. В 1937–1938 гг. он учится в школе для взрослых и получает требуемый документ. Казалось, вот-вот сбудется его мечта – он станет студентом русского отделения университета. Но произошла досадная осечка: не добрал по конкурсу нужного количества баллов, и в деканате ему предложили полгода поучиться на кафедре этнографии, которая в те годы была в составе филологического факультета, пообещав при благоприятных условиях перевести его в русскую группу.

В 1938 г. осуществляется первый набор на восстановленную кафедру этнографии, о ней знали мало, абитуриенты шли туда неохотно, а потому там были свободные места. С грустью и надеждой на лучшее Николай Бутинов принял предложение деканата и стал студентом русского цикла кафедры этнографии, которую возглавлял воспитанник ленинградской этнографической школы проф. И.Н. Винников. Все, кто знал и слушал лекции этого ученого, единодушно говорили, что это был блестящий увлеченный лектор, настоящий оратор, артист. На кафедре также преподавали Д.К. Зеленин, В.Я. Пропп, А.А. Попов, В.В. Гинзбург, Я.Я. Рогинский, С.В. Иванов, С.Н. Замятнин...

Позднее Н.А. Бутинов рассказывал, что, прослушав первые лекции И.Н. Винникова, он был так увлечен проблемами ранее незнакомой ему науки, что твердо решил остаться на этой кафедре. Коллектив студентов-этнографов составил из людей увлеченных: Зоя (Зоя Дмитриевна) Титова, Соня (Софья Александровна) Авижанская, Люся Назаренко (Людмила Михайловна Сабурова), Наташа (Наталья Николаевна) Гревенс, Леня (Леонид Васильевич) Гребнев...

Особенно близкие отношения у Коли Бутинова сложились с приехавшей из казацкой станицы Миллеровской Мусей (Марией Сидоровной) Долгоносовой. Они были близки по духу, по интересам, занимались одинаково увлеченно, самозабвенно участвовали в работе студенческого научного кружка. После занятий наскоро обедали и мчались в знаменитую Публичку – Публичную Библиотеку им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, в которой засиживались вплоть до ее закрытия.

Молодой девушке было интересно общаться со своим спутником, спорить, осваивая захватившую их этнографию. Так, на учебно-научной почве довольно быстро созрел их роман, и в конце второго курса, весной 1940 г., они поженились. Теперь научные диспуты продолжались и дома. Однажды, слушая их, мать Николая Александровича сказала с доброй улыбкой: «Ребята, да поговорили бы вы о чем-нибудь человеческом». Да, они учились почти круглосуточно, как подшучивали над ними в группе.

Однако время было очень сложное. Началась финская война, и студентов призвали овладевать военным делом. А 22 июня 1941 г. разразилась новая страшная война. О начале ее студенты-этнографы, среди которых был и Николай Бутинов, узнали в Петрозаводске: по учебному плану летом 1941 г. они должны были провести полевой сезон в Карелии. С большим трудом они вернулись в родной город.

Уже 8 сентября Ленинград оказался в блокаде. По состоянию здоровья Н.А. Бутинов не был призван в армию, но он считал себя обязанным пойти на работу. Приказом № 125 от 10 июля 1941 г. по Институту этнографии АН СССР он был зачислен с 16 июля на должность электромонтера, а приказом № 198 от 25 октября с 26 октября назначен на должность коменданта здания. Оставшиеся сотрудники, охраняя коллекции музея и имущество института, жили в подвальном помещении. Не все из них вынесли трудности холода и голода блокады. По ночам комендант здания на саночках отвозил трупы умерших сотрудников на Стрелку Васильевского острова, где находился открытый морг. Незадолго до своей кончины Н.А. Бутинова встретила американистка М.В. Степанова, глаза ее горели, и она сказала: «Враги не заставят нас оставить нашу науку. Мы и там, под землей, будем заниматься этнографией». Такое не могло не произвести сильного впечатления на коменданта здания, студента-этнографа Николая Бутинова. Он запомнил эти слова на всю жизнь.

В конце февраля 1942 г. преподаватели и студенты Ленинградского государственного университета были эвакуированы в Саратов. К тому времени заведующий кафедрой этнографии и директор Института этнографии АН СССР проф. И.Н. Винников находился в эвакуации и жил в Казахстане, в Боровом.

Преподаватели кафедры С.В. Иванов и А.А. Попов оставались в блокадном Ленинграде, а в июле были вывезены на Большую Землю и размещены в Ташкенте, В.В. Гинзбург и Д.К. Зеленин оказались в Самарканде...

Вся тяжесть организации учебного процесса для студентов-этнографов в Саратове легла на выдающегося фольклориста и этнографа В.Я. Проппа. Под его руководством Н.А. Бутинов уже в 1942 г. успешно защитил диплом и с 1 октября 1942 г. увлеченно стал заниматься в аспирантуре. Теперь он разрабатывал совершенно новую для себя тему по общей этнографии «Учение Гребнера. Культурно-историческая школа».

В 1944 г. университет вернулся в родной город, и в его структуре был воссоздан восточный факультет, куда перешла и кафедра этнографии. Таким образом Н.А. Бутинов неожиданно стал аспирантом этого факультета. При распределении аспирантов он был направлен на работу в Институт этнографии АН СССР, и с 1 июня 1945 г. уже состоял в штате этого ведущего этнографического центра страны по отделу Австралии и Океании.

Интерес к этому региону у Николая Александровича проявился очень рано и, вполне вероятно, под влиянием все того же И.Н. Винникова. Еще на первом курсе он для своего доклада в студенческом научном кружке выбрал тему о Н.Н. Миклухо-Маклае. Проявляя любознательность к проблемам общей этнографии и в студенческие годы, и в аспирантуре, он неизменно обращался к австралийско-океаническому материалу. В отделе единственным сотрудником тогда была Ю.М. Лихтенберг, которая весьма дружелюбно встретила молодого коллегу. Первое время Н.А. Бутинов занимался своей диссертацией. Уже в сентябре 1945 г. он завершил ее написание, а 16 июня 1946 г. на заседании Ученого совета Института этнографии АН СССР в Москве ему была присуждена ученая степень кандидата исторических наук.

В Ленинграде его ожидала большая музейная работа. С середины 1945 г. он принимал участие в подготовке юбилейной академической выставки, а в 1946 г. работал над созданием выставки рисунков Н.Н. Миклухо-Маклая, по материалам которых им в 1949 г. в очередном сборнике МАЭ опубликована статья. Совместно с Ю.М. Лихтенберг, М.С. Бутиновой и художницей Т.Л. Юзепчук он создавал экспозицию «Коренное население Австралии и Океании» – на протяжении нескольких десятилетий одну из лучших в Музее.

В 1948 г. в Москве и Ленинграде началась подготовка к изданию собрания сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая, имя которого незадолго до этого было присвоено Институту, была учреждена академическая премия его имени. Таким образом, эта работа рассматривалась как ударная, актуальная, ее возглавлял директор Института С.П. Толстов. Н.А. Бутинов внес в нее большой вклад: выявил ряд работ ученого, написал обстоятельный биографический очерк о его жизни, экспедиционной и научной деятельности.

За короткий срок (1948–1953 гг.) было подготовлено собрание сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая в пяти томах. Одновременно под руководством С.А. Токарева Н.А. Бутинов активно включился в работу по подготовке тома «Народы Австралии и Океании» из серии «Народы мира. Этнографические очерки», увидевшего свет в 1956 г. Для этого монументального издания им были подготовлены статьи (самостоятельно и в соавторстве): «Папуасские языки», «Папуасы Новой Гвинеи», «Острова Полинезии», «Народы Полинезии в колониальный период», «История открытия и этнографического изучения Океании», «Народы Меланезии в условиях колониального гнета», «Народы Новой Зеландии», «Микронезийцы». Совместно с Ю.В. Кнорозовым он предпринимает попытки дешифровать письменность о-ва Пасхи.

В эти годы Н.А. Бутинов сблизился и даже подружился с выдающимся московским этнографом С.А. Токаревым, широта научных интересов, творческий поиск в науке которого весьма импонировали ему. Николай Александрович почитал Сергея Александровича как своего учителя и посвятил его памяти и вкладу в австраловедение и океанистику специальную статью.

Уже в начале 1950-х годов Н.А. Бутинов заявил о себе как о теоретике. В 1952 г. он публикует одну из самых ярких своих работ «Проблемы экзогамии (по австралийским материалам)». В том же году, развивая идеи С.П. Толстова, он печатает статью «О первобытной лингвистической непрерывности в Австралии». Одна за другой появляются на страницах журнала «Советская этнография» его рецензии на работы американских и западноевропейских авторов, статьи о психоразизме в американской этнографии, о современной американской теоретической этнографии, причем, по канонам того времени, слово «теоретической» было взято в кавычки: только советская, марксистская этнография могла по-настоящему эффективно заниматься теорией науки и т.д. Для этого ему приходится много просиживать в спецхране Библиотеки

АН СССР, куда в годы холодной войны попадала буржуазная научная литература. Он пишет специальные работы, показывающие тяжелую жизнь аборигенов в океанийском регионе: «Альберт Наматжира – художник из племени аранда» и в соавторстве с М.С. Бутиновой «Принудительный труд в Австралии и Океании». Нельзя не признать, что его научная деятельность в этот период несет на себе печать политизированности, что весьма характерно для того времени.

Вторая половина 1940-х – 1950-е годы для Н.А. Бутинова – годы жизненного и карьерного благополучия. В мае 1946 г. он получает медаль «За оборону Ленинграда», а в июне – «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». Успешно прошла защита кандидатской диссертации. Высокую оценку получают сделанные при его участии выставки в МАЭ и опубликованные им работы. В 1949 г. рождается сын Лева. Приказом дирекции Н.А. Бутинов назначается заместителем заведующего сектором Австралии и Океании и Америки по Ленинградской части Института. В октябре 1950 г. его принимают в ряды ВКП(б), что по тем временам было весьма знаковым событием. Н.А. Бутинов – один из основных авторов фундаментального тома «Народы Австралии и Океании». Он часто выступает с докладами не только в Ленинграде, но и в Москве, куда его периодически приглашают.

Весьма заметный перелом обозначился в начале 1960-х годов. Тогда в Ленинградской части Института весьма бурно обсуждались проблемы соотношения материнского и отцовского рода, рода и общины. Основным борцом за утверждение новых подходов к обсуждаемым проблемам, основываясь на положениях классиков марксизма-ленинизма, выступал Н.А. Бутинов, которого активно поддерживала преимущественно научная молодежь. Впервые он обстоятельно изложил в печати свою позицию в 1962 г. в статье под скромным названием «Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи». Реакция дирекции была решительной и резкой: позиция Н.А. Бутинова была признана однозначно как антимарксистская.

В 1963 г. в журнале «Советская этнография» был опубликован большой материал под заголовком «Еще раз о месте материнского рода в истории общества». Его авторы защищали тезис о первичности и универсальности материнского рода и обвиняли Н.А. Бутинова в попытках опровергнуть основные положения учения Ф. Энгельса о материнском роде. В марте 1963 г. было опубликовано распоряжение по Институту этнографии АН СССР о реорганизации некоторых секторов, в результате чего Н.А. Бутинов был освобожден от занимаемой должности руководителя ленинградской группы сектора Америки, Австралии и Океании. Внешне все выглядело вполне обоснованно, хотя все знали, что стоит за этим.

В августе 1964 г. в Москве проводился VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. В связи с этим в Ленинграде было принято решение не допустить Н.А. Бутинова к участию в нем: он был отправлен в отпуск, хотя страстно желал выступить там с докладом, общаться с коллегами, приехавшими из разных стран. Вновь был поднят вопрос об антимарксистской позиции Н.А. Бутинова, и даже была предпринята попытка исключить его из партии, что уже грозило непредсказуемыми, но явно неприятными последствиями.

Несмотря на все предпринятые репрессивные меры и угрозы, Н.А. Бутинов негибимо продолжал придерживаться своей позиции, укреплял ее новыми этнографическими фактами, отстаивал в различных дискуссиях. Новый подход к основным проблемам первобытного общества сложился отнюдь не неожиданно. Эти мысли возникли в голове ученого еще в начале 1950-х годов. В дневниковых записях С.А. Токарева от 28 января 1953 г. есть информация о том, что в дирекции и в партийном бюро Института ему было указано, что он нехотая берет под защиту Бутинова, стараясь затушевать его ошибки...

В ответ на постоянные обвинения в антимарксизме Николай Александрович подготовил письмо для публикации в журнале «Советская этнография», но дирекция Института и редакция журнала многократно отвергали его, требуя покаяния. В конце концов оно было напечатано, но с критическими замечаниями оппонентов.

В этом письме (Сов. этнография. 1965. № 3) Николай Александрович показал себя сторонником открытых научных дискуссий, готовым обсуждать любые спорные вопросы, признавая за каждым право на собственное мнение. Новый директор Института Ю.В. Бромлей поддержал Н.А. Бутинова при публикации монографии «Папуасы Новой Гвинеи», до этого многократно и безрезультатно обсуждавшейся на дирекции в Москве. В 1968 г. книга наконец увидела свет. В ней вопросы этнического состава, хозяйства, традиционной культуры, общественного строя рассматривались автором на фоне общетеоретических этнографических проблем, особенно таких, как соотношение рода и общины, типологии общин, форм брака, систем родства и др. 21 апреля 1970 г. на заседании ученого совета Института этнографии им. Н.Н. Миклу-

хо-Маклая АН СССР в Москве Н.А. Бутинов успешно защитил докторскую диссертацию на тему «Папуасы Новой Гвинеи (Этнический состав, хозяйство, общественный строй)».

Среди множества работ Н.А. Бутинова особо следует отметить его монографическую статью «Первобытно-общинный строй», опубликованную в 1968 г. в вызвавшем в свое время большой отклик в научной среде коллективном труде «Проблемы истории докапиталистических обществ». В 1960–1970-е годы в советской этнографической науке сосуществовали разные точки зрения, и борьба мнений протекала в сложных условиях. Борьба была всегда, но ход ее осложнялся тем, что против осмеливавшихся выступить с новыми идеями борцов всегда выступали стойкие ревнители догматических позиций, в арсенале которых было большое количество хлестких опасных ярлыков.

Сегодня же вклад Н.А. Бутинова в разработку проблем первобытности (таких как сосуществование материнского и отцовского родов, различение раннего отцовского рода и патриархата как одной из классических форм развития первобытного общества и его распада) признают и многие из тех, кто в свое время активно боролся с его идеями. Необходимо помнить, что в первую очередь благодаря трудам и бойцовской позиции Н.А. Бутинова происходило на этом этапе развития нашей науки освобождение от прежних догматических схем. Именно благодаря прежде всего его работам, а также коллег, разделявших его убеждения, утвердился в это время в отечественной этнографии взгляд на общину как на первичный социальный организм общинно-родового (доклассового) общества.

В 1971 г. Н.А. Бутинов принял участие в коллективной научной экспедиции в Океанию на корабле «Дмитрий Менделеев», посетил те места, где в свое время жил и работал Н.Н. Миклухо-Маклай. Поездка на Новую Гвинею и другие острова, обогатив ученого свежими материалами, дала новый импульс его исследованиям. Одна за другой выходят книги: «Путь к Берегу Маклая» (1975), «Полинезийцы островов Тувалу» (1983), «Социальная организация полинезийцев» (1985), целый ряд статей. Эти работы вносят заметный вклад в разработку теоретических проблем первобытности, возникновения классового общества, сосуществования таких институтов, как род и племя, с социальным и имущественным неравенством, с сословиями и кастами, формирование государственных институтов и т.д.

Н.А. Бутинов практически в течение всей жизни работал над дешифровкой письменности о-ва Пасхи, немало сделав в этой области, что нашло отражение в ряде публикаций. Много внимания он уделял изучению проблем зарубежной этнографии, посвятил ряд докладов и статей осмыслению идей крупного французского исследователя К. Леви-Стросса. Значителен вклад Николая Александровича в подготовку последнего, шеститомного собрания сочинений Н.Н. Миклухо-Маклая.

Неизменно важное место в деятельности Н.А. Бутинова занимала музейная работа. Как уже отмечалось, он один из создателей австралийско-океанийской экспозиции, организатор выставок новых поступлений коллекций из Океании, где были представлены и его сборы. Под его руководством и при его участии сотрудники подготовили и издали несколько выпусков «Сборников Музея антропологии и этнографии», вводя таким образом в научный оборот уникальные собрания предметов австралийско-океанийского региона, а также опубликовав полный каталог этого собрания. Он автор путеводителя по экспозиции Австралии и Океании.

Нельзя не отметить вклад Н.А. Бутинова в подготовку молодых специалистов. Среди тех, кому он дал путевку в науку, ныне успешно работающие кандидаты и доктора наук. Его учениками считают себя не только его аспиранты, но и многие из тех, кому посчастливилось на протяжении длительного времени общаться с ним. Он поддерживал молодых ученых, выступая в качестве официального или очень часто неофициального оппонента на защите кандидатских и докторских диссертаций.

Н.А. Бутинов был одним из самых активных членов ученого и диссертационного советов, действовавших в Ленчасти Института этнографии АН СССР (ныне Музей антропологии и этнографии РАН). Три десятилетия он плодотворно занимался научно-организационной работой. С 30 марта 1970 г. он был заместителем заведующего отделом Восточной и Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, а с 17 февраля 1972 г. возглавлял сектор Австралии, Океании и Индонезии. Он организатор и бессменный руководитель Маклаевских чтений, объединявших океанистов и австраловедов. В Чтениях принимали участие не только ленинградские (петербургские) ученые, но и коллеги из других городов страны. Благодаря деятельности Н.А. Бутинова Ленинград стал одним из ведущих центров изучения австралийско-океанийских проблем.

Имя Н.А. Бутинова хорошо известно как в нашей стране, так и за рубежом. Он участник многих региональных, всесоюзных и международных симпозиумов и конференций. Его работы по самым различным проблемам этнографической науки издавались на русском, английском, немецком, испанском, китай-

ском и других языках. 2 июля 1987 г. за серию работ («Папуасы Новой Гвинеи», «Полинезийцы островов Тувалу», «Социальная организация полинезийцев») Президиум АН СССР удостоил Н.А. Бутинова премии им. Н.Н. Миклухо-Маклая.

Большой ученый с мировым именем, Николай Александрович бережно сохранял память о своих университетских учителях, поддерживал контакты с соучениками. В 1968 г. состоялась их очередная встреча, в которой приняли участие И.Н. Винников и В.В. Гинзбург. Н.А. Бутинов, большой любитель поэзии и сам всю жизнь писавший стихи, по этому случаю написал:

За сорок лет немало пережито,
за эти сорок беспокойных лет,
А жизнь все ускоряет ход событий,
и времени, чтоб оглянуться, нет.
В те годы жизнь беречь нас обещала,
а смерть звала на финскую войну.
Одной войны ей показалось мало,
и мы прошли еще через одну.
Студенты нынешнего поколения
в нас признавать студентов не хотят.
А что такое сорок лет? Мгновенье!
Кто не погиб, тому под шестьдесят.
Женились сыновья, родились внуки,
а мы как были, так и есть – в пути...
Еще не близко до вершин науки,
и главное, наверно, впереди.

Да, еще многое было впереди. И хотя в последние десятилетия болезни преследовали Николая Александровича (перелом шейки бедра, длительное лечение, две операции на глазах, болезнь сердца и др.), он при всех условиях продолжал работать, осваивая новые темы. В 1993 г. в новом журнале «Кунсткамера. Этнографические тетради» он публикует статью о соотношении нации и этноса в молодом государстве Папуа–Новая Гвинея. В 2000 г. увидела свет его последняя монография «Народы Папуа–Новой Гвинеи (от племенного строя к независимому государству)».

Как явствует из подзаголовка, автор поставил перед собой задачу изложить свое понимание социально-экономических, этнокультурных и политических процессов в этом молодом независимом океаническом государстве. Он широко использовал как доступную ему зарубежную литературу, так и материалы своих полевых исследований, продемонстрировав и в этом труде свое непрерывное стремление глубже и всестороннее осмыслить на этот раз современные процессы в Папуа–Новой Гвинее.

Учитывая специфику происходящих перемен, вызванных строительством самостоятельного национального государства, Н.А. Бутинов даже отказывается в данном случае от привычного для него термина «первобытно-общинный строй» и вместо него использует термин «племенной строй». Он идет на известный риск: можно предположить, что не все согласятся с ним, но в этом весь Николай Александрович. Он ищет объяснения тем явлениям, с которыми он столкнулся при изучении современного новогвинейского общества – это его научный поиск.

Вполне возможно, что в дальнейшем он отказался бы от каких-то высказанных им положений или далее развил их, но, увы, этому уже не суждено сбыться... Это исследование об обществе, проходящем путь от каменного топора к компьютеру, несомненно, будет с интересом осваиваться ученым читателем. Оно будит мысль, вызывает к активному размышлению о конкретных вариантах развития этого и аналогичных ему обществ.

В планах Н.А. Бутинова была монография «Н.Н. Миклухо-Маклай и мировая этнографическая наука». И он трудился над нею и над другими темами до последних дней жизни, отказываясь от госпитализации, превозмогая все боли, работая с вдохновением, самозабвенно, чуть ли не круглосуточно. Сняв с помощью лекарств очередной сердечный приступ и придя в себя, он снова садился за письменный стол. Рядом с ним всегда была его жена, друг и коллега Мария Сидоровна.

Сам Николай Александрович считал себя счастливым человеком. В одном из стихотворений он написал, что «завидует сам себе». А счастье и удовлетворение он видел прежде всего в работе... Он любил коллег, любил Музей и постоянно рвался туда. И когда его, больного, отговаривали от поездок в Музей, он отвечал: «Мне бы только пройтись по нашим залам». Один из самых последних докладов он посвятил проекту реконструкции австралийско-океанийской экспозиции...

Пройдут годы, придут новые поколения исследователей, которые займутся проблемами первобытности, этнографией Австралии и Океании, конкретно Новой Гвинеей, и они обязательно возьмут в руки труды Николая Александровича Бутинова. С чем-то они согласятся, примут его построения и выводы, в чем-то пойдут дальше, будут самостоятельно искать новые пути решения нерешенных или дискуссионных проблем. Что ж, это вполне естественно. Жизнь ученого конечна, наука – вечна.

A.M. R e s h e t o v. To the memory of Nikolai Alexandrovich Butinov

The article is dedicated to the life and work of the prominent Russia's ethnologist Doctor (History) N.A. Butinov (1914–2000) who worked for many years at Peter the Great Museum of anthropology and ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences. His numerous fundamental works on different problems of ethnographical science published not only in the Russian but also in the English, German, Spanish, Chinese and other foreign languages. For a series of works on the ethnography of peoples of New Guinea and Polynesia he received the N.N. Miklouho-Maclay award. Included into the scholar's scientific interests were before all problems of the primitive state and ethnography of Australia and Oceania. In his latest monograph, «Peoples of Papua New Guinea (from the tribal order to an independent state)» his aim was to present his own vision of the socio-economic, ethno-cultural and political processes underway in this newly independent Oceanic state, for which end N.A. Butinov utilized not only the available in scientific circulation domestic and foreign literature but also materials of his own field studies.

As the article's author writes the name of N.A. Butinov will remain long alive in the memory of his colleagues and students.